

Лань Ло

ДВЕ РЕДАКЦИИ ПОВЕСТИ И. А. РАХТАНОВА «ЧИН-ЧИН-ЧАЙНАМЕН И БОННИ СИДНЕЙ»: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В статье проводится текстологический анализ двух редакций первой детской повести малоизученного советского писателя Исаия Аркадьевича Рахтанова: выявляются и сопоставляются изменения сюжетных линий, художественных деталей и пр., предпринимается попытка объяснить их причины. Существенная и многочисленная правка текста, внесенная во вторую редакцию, позволяет проследить трансформацию мировоззрения и творческой манеры И. Рахтанова.

Ключевые слова: И. А. Рахтанов, русская литература XX в., советская литература, детская литература, советская детская проза, текстология.

В первой трети XX в. на фоне социальных изменений в России началось интенсивное развитие детской литературы, появились новые, молодые авторы. Книги некоторых из них сохранили популярность и по сей день, их творчеству посвящено немало научных и критических работ. Другие же писатели, не менее талантливые, были забыты, их наследие остается малоизученным. К их числу относится Исай Аркадьевич Рахтанов.

Свой творческий путь он начал еще в студенческие годы¹. Среди его преподавателей в Институте истории искусств были выдающиеся ученые: Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский. Общение с главными деятелями формальной школы повлияло на начинающего автора: в его произведениях часто встречаются прием остранения, ирония и парадокс. Однако изначально Рахтанов не планировал писать для детей. Все изменилось благодаря знакомству с С. Я. Маршаком, который заинтересовался рассказами молодого писателя. После беседы с ним в редакции «Лендетгиза» Рахтанов приступил к работе над своей первой детской повестью. Книга «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней» увидела свет в 1931 г.

По воспоминаниям Л. Чуковской, она «была принята очень хорошо, имела много рецензий» [Чуковский, Чуковская, 2003, с. 153], планировалась даже ее экранизация.

Спустя 27 лет после существенной переработки повесть под названием «Чин-Чин-Чайнамен и Банни Сидней» (далее по тексту — «Чин»)² была издана повторно в новой авторской редакции. Хотя вопрос сопоставления двух редакций «Чина» упоминает в статье С. Сивоконь [Сивоконь, 1968, с. 205], полноценный анализ двух редакций не проводился, текст перепечатывался, согласно издательской традиции, с последнего прижизненного издания; причины и характер переработки текста не подвергались осмыслению. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть различия редакций повести 1931 г. и 1958 г.

Общая сюжетная линия в обоих случаях была оставлена Рахтановым без изменений. На основе своего личного опыта³ писатель рассказывает историю русского мальчика, оказавшегося по стечению обстоятельств в американском пансионе в Китае. Повествование ведется от первого лица — подростка 14–15 лет. Из-за революции он был вынужден покинуть родной город на неопределенный срок. За время, проведенное в школе, герой знакомится с новыми одноклассниками и непривычными для него порядками. Вступив в конфликт с лидером школьников, повествователь участвует в боксерском поединке, выступает на «пижамной ночи» (соревнование рассказчиков), состязается в кроссе. Получив телеграмму от отца, мальчик возвращается домой.

Все обнаруженные в процессе анализа различия разделены на две основные части. Первую составляют изменения, связанные с развитием сюжета. Сюда относятся не только сами сюжетные изменения, но и имена и характеристики персонажей, влияющих на развитие действия и на конфликт. Вторую часть образуют изменения, касающиеся стилистической правки, уточнений отдельных деталей и др. В связи с тем, что общее количество найденных различий — 368, в статье приводится только часть из них, наиболее интересная и важная (по мнению автора).

Различия на сюжетном уровне появляются уже в экспозиции повести. Во-первых, меняется место действия. В редакции 1931 г. американская школа, куда попадает герой, находится в Корее, в городе Чемульпо, и называется «Чемульпоуская подготовляющая к университету академия». В редакции 1958 г. школа располагается в Китае, в городе Циндао. Данное изменение представляет собой

возвращение к изначальному замыслу. Писатель учился в подобной школе в Шанхае и в мемуарах упоминал о том, что события «Чина» происходят в Китае. Предположительно причиной замены стал конфликт на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 г., когда первая редакция готовилась к печати. Этот конфликт привел к разрыву дипломатических отношений СССР с Китаем, отчего, по цензурным соображениям, школа могла быть перенесена в Корею. На момент переработки повести СССР и КНР поддерживали дружественные отношения, и потому автор смог вернуться к первоначальной идее.

Во-вторых, автор дополняет мотивировку переезда главного героя в американскую школу. В первой редакции объясняется только причина, по которой мальчик был вынужден покинуть родной город. Отец повествователя отправляется в тайгу, из-за гражданской войны идти приходится в обход белогвардейского окружения. Это слишком опасно для ребенка, поэтому взять с собой его нельзя. Но почему мальчик очутился именно в американской школе в чужой стране, остается неясным. Во второй редакции автор раскрывает причину этого с помощью нового персонажа — капитана корабля Ивана Терентьевича Сиверцова, старого гимназического приятеля отца.

Вместе с капитаном Сиверцовым мальчик должен был отправиться в нейтральный порт и ожидать возвращения советской власти в родной город. Но капитан оказывается сторонником «белых» и одновременно сотрудником фирмы «Братья Скавельские с сыновьями», выступающей под американским флагом. Капитан, желая перевоспитать ребенка в соответствии со своими представлениям, планирует отдать его в американскую школу. Признание капитана ошеломило повествователя: совершенно неожиданно в казавшейся до этого простой жизни возникли «предательство, обманы, вероломство» [Рахтанов, 1958, с. 95]⁴. Желая избежать дальнейшей встречи с капитаном-предателем, мальчик, в конце концов, соглашается начать учебу в чужом для него городе в иностранной школе.

Появление нового героя не только делает повествование более достоверным и убедительным в фактическом и психологическом отношении, но и вносит дополнительные интересные смыслы. Так, возникает сюжетный и идейный параллелизм между двумя парами противостоящих персонажей. С одной стороны — отца-большевика и его приятеля-монархиста, поддерживающего капиталистов (их противостояние началось еще с гимназической скамьи).

С другой стороны — главного героя, усвоившего отцовское воспитание, и американского школьника Банни Сиднея — типичного представителя привилегированной части капиталистического общества. Представители старшего поколения будто бы передают младшему поколению свой идеологический конфликт. Тем не менее, между двумя антагонистами существует различие. Капитан Сиверцов до определенного времени вынужден скрывать свою настоящую позицию, Банни же формулирует свои взгляды открыто, как хозяин положения.

Во второй редакции меняется имя главного героя: Борис становится Денисом. Причиной может быть то, что новое имя повествователя имеет английский эквивалент Dennis, отчего носителям английского языка становится удобней его запомнить и произнести. Такая замена помогает писателю в дальнейшем сблизить повествователя с его единственным в школе приятелем, Фором Бинзом. Лишь в редакции 1958 г. Фор начинает называть русского мальчика по имени, а не по прозвищу. Помимо этого, читатель намного раньше узнает имя повествователя. В первой редакции главный герой остается безымянным вплоть до того момента, когда действие начинает активно развиваться, тогда как во второй редакции его имя впервые упоминается уже в разговоре с капитаном Сиверцовым.

В развитии действия в новой редакции автор добавил еще одного персонажа — китайского мальчика, который впервые появляется на следующий день после боксерского поединка. Он зачем-то пытается проникнуть в школу, но терпит неудачу. «Из своего окна я заметил китайского мальчика в куртке из синей дабы и соломенной шляпе с большими полями <...> сторож схватил его и вытолкнул на улицу» [Чин-1958, с. 113]. Описание появления героя короткое, но этого достаточно, чтобы вызвать у читателя (как и у повествователя) любопытство и вопрос: почему одетый «по-простому» посторонний человек хочет попасть в американский пансион. Вновь Денис видит мальчика у ворот школы уже утром после «пижамной ночи». Его повторное появление опровергает версию о том, что местный житель забрел в школу случайно. Главный герой понимает: мальчик не только пытается попасть на территорию школы, но и кого-то ищет. Тем самым усиливается ожидание разгадки личности нового персонажа.

Несмотря на отсутствие подробностей, оба описания демонстрируют значимые черты характера китайского мальчика:

смелость и настойчивость. Вопреки вывеске «Вход китайцам и собакам воспрещен» при входе в академию и угрозам со стороны сторожа и Банни, мальчик все-таки пытается войти в чуждое пространство и найти пока еще незнакомого ему человека.

Следующие разночтения обнаруживаются в кульминации повести — соревновании рассказчиков на «пижамной ночи». Прежде всего, изменению подверглось выступление Бонни. Действие в обоих вариантах построено на истории о вымышленном кузене Шанси У. Фильде — выходе из бедной семьи, который в погоне за своей мечтой становится известным и успешным человеком. Выбрав подобную историю для рассказа, американский мальчик хочет показать фигуру, служащую для него образцом, а также поставить ее в пример другим ученикам. Однако разница в обрисовке данной фигуры принципиальна.

В редакции 1931 г. Шанси У. Фильд — изобретатель медных футляров для часов, который учится новому, трудится не покладая рук, последовательно идет по карьерной лестнице и при этом не забывает о любимой собаке. В редакции 1958 г. он превращается в знаменитого гангстера, постоянно стремящегося заполучить богатство любыми способами. Нарушение законов и моральных норм вплоть до убийства для него становится привычным делом.

Если в первой редакции все без исключения начинают хлопать Бонни после его рассказа, то во второй редакции Фор и повествователь остаются в стороне. Фор не хлопает, потому что ждет конца собрания, чтобы раскрыть факт заимствования истории Банни из «Национального собственного журнала мальчиков». В свою очередь, повествователь недоволен рассказом, т. к. ему, в отличие от одноклассников, «совсем не понравился знаменитый кузен — гангстер, бандит, убийца» [Чин-1958, с. 121].

История Шанси У. Фильда в обоих вариантах является воплощением «американской мечты», к которой всегда стремилась молодежь США. Первый вариант соотносим с принципом «советской мечты». Только американский герой стремится к успеху через труд исключительно ради себя. Такого рода герой хотя и не вызывает симпатии у советского читателя, тем не менее понятен ему. Поведение подобного героя находится в пределах моральных норм. Во втором варианте Шанси — это преступник, который в погоне за личной выгодой готов нарушать практически всякую мораль.

Отдельные изменения внесены во второй редакции и в ночной рассказ главного героя. Большую часть речи повествователя

в редакции 1931 г. занимает история о путешествии по Уссурийскому краю, в которой Борис рассказывает, как вместе с китайским проводником Фу Тан-Ли убил тигра и спас своего отца из японского плена. В редакции же 1958 г. главное место в сцене занимает не сама история, сжатая до нескольких строк, а поведение и психологическое состояние Дениса.

Рассказ русского мальчика в обоих вариантах построен на основе его дневника, но во второй редакции подробности путешествия не раскрываются и потому неизвестно, насколько сильно новое изложение отличается от предыдущего. Тем не менее можно отметить, что манера повествования изменилась. В варианте 1931 г. Борис, ничего не опасаясь, пересказывает дневник от первого лица. В варианте 1958 г. Денис не желает быть полностью откровенным с соучениками и перерабатывает записи дневника в новеллу, которая излагается от третьего лица.

Эти изменения можно объяснить так. Во-первых, автор сократил рассказ Дениса, чтобы не отвлекать читателя от основного сюжета. История героя повествует о событиях прошлого и не имеет прямой связи с главным конфликтом. Во-вторых, выделяются другие черты характера повествователя. В развернутой истории мальчик показан смелым, выносливым, умеющим ориентироваться в лесу и т. д. В переработке 1958 г. благодаря описанию мыслей и чувств рассказчика во время выступления он предстает скромным, порядочным и мудрым. Находясь в совершенно чуждой обстановке, он не желает полностью раскрывать себя и выставлять себя героем. Чувствуя недружественное отношение соучеников, русский мальчик понимает, что в правдивость случившегося они вряд ли поверят. Благодаря своему осознанному решению рассказчик избегает неприятного положения, за счет этого усиливается разница между ним и его главным противником. В-третьих, на автора могло повлиять и то, что в послевоенные годы в советской литературе стали по-другому относиться к изображению героев. В положительных персонажах начали больше ценить эмоциональность, открытость, способность к рефлексии. В связи с этим усиление внимания к психологическому портрету повествователя выглядит закономерным.

В редакции 1931 г. голосование за лучшего рассказчика завершилось вничью. Вильям Пирчч⁵ объявил о победе русского мальчика сразу же после раскрытия плагиата истории Бонни. При этом предложение председателя напечатать рассказ Бориса в местном

журнале было одобрено другими учениками. В отличие от этого, в редакции 1958 г. до момента разоблачения Сиднея все школьники, кроме Фора и Дениса, назвали победителем Банни. Когда Фор предъявляет доказательства плагиата, авторитет Банни начинает разрушаться. Но все меняется, когда в дело вмешивается В. Пирч: он убеждает всех, что использование чужого рассказа для достижения победы — это поступок настоящего американца и бизнесмена. В результате Банни признается победителем.

Перемены в поведении школьников показывают, как американская система ценностей определяет воспитание детей. Изначально ученики реагируют на плагиат отрицательно. Их поведение выглядит весьма естественно, ведь они оказались обмануты, причем своим кумиром. Однако Вильям, старший среди них, умудряется изменить мнение окружающих. Обман, представленный как способ достижения «американской мечты», вызывает у участников «ночи» одобрение. В результате авторитет Банни восстанавливается, и чемпион школы продолжает служить для мальчиков примером. Важным становится то, что последнее слово оказывается за учеником, чей возраст и статус выше. В. Пирч, хорошо усвоивший за годы обучения американскую систему ценностей, становится наставником младших и поддерживает преемственность поколений.

Вслед за этим правке подвергся разговор Фора и Дениса после окончания «пижамной ночи». В первой редакции Фор произносит лишь одну фразу «Побейте Бонни. Только крепко» [Чин-1931, с. 61], тогда как во второй редакции его реплика расширяется. Фор не только поясняет поражение повествователя, но и подает идею, как можно победить американцев. «Интересным рассказом тут ничего не сделаешь <...> все равно они не поймут. <...> надо как-нибудь иначе, чтобы все было просто, и, бесспорно, нужна сила» [Чин-1958, с. 125].

Можно предположить, что окончание «пижамной ночи» было переработано для создания логического перехода к эпизоду кросса. В редакции 1931 г. Борис уже одержал победу в искусстве рассказа, и было не совсем ясно, по какой причине он должен продолжать бороться. Впрочем, это можно объяснить тем, что каждый из соперников уже единожды выиграл. Тогда третье состязание требуется провести для определения победителя. Но возникает другой вопрос: почему герои вновь соревнуются в силе? С. Сивоконь упоминает, что после первого выхода в печать книга получила замечание одного из критиков: «Почему это сын большевика доказывает

свою правоту не силой своих убеждений, а силой своих кулаков?» [Сивоконь, 1968, с. 279–280]. По мнению Сивоконя, это замечание помешало «Чину» упрочить свое положение в детской литературе. Поэтому в редакции 1958 г. дополненная речь Фора в совокупности с поражением Дениса обосновали участие повествователя в спортивном состязании. В результате автору удалось устранить отмеченный критикой недостаток.

Вместе с тем роль может играть перемена отношения к спорту в СССР к 1958 г. В это время появляется профессиональный спорт, советские спортсмены стали участвовать в престижных международных соревнованиях и занимать призовые места. С учетом этого комментарии Фора сделали победу Дениса более почетной.

Наконец, была переработана развязка повести — состязание в кроссе. Соревнование запланировано на День благодарения, когда в школу прибывают гости: американский консул вместе с экипажем канонерки.

После начала забега повествователь теряет из вида соперника и начинает звать его. В редакции 1958 г. из-за поворота неожиданно выбегает китайский мальчик. На этот раз китайскому мальчику ничто не мешает поговорить с Денисом.

Личность этого персонажа наконец раскрывается: его зовут Сун Да-сян, его отец находится в партизанском отряде под командованием отца главного героя. Все это время мальчик искал именно Дениса, чтобы передать вести с родины. Неожиданная встреча придала русскому мальчику сил, и после общения с Сун Да-сяном он ускорил свой бег.

Новый персонаж выступает одновременно в нескольких ролях. Во-первых, он — посыльный комиссара и помогает создать прямой контакт между отцом и сыном. Ранее Денис полагал, что остался в абсолютном одиночестве и отцу ничего неизвестно о его судьбе. Теперь слова Сун Да-сяна дали Денису поддержку и чувство того, что отец рядом. Во-вторых, Сун Да-сян — новый участник противоамериканского антирасистского союза. Поведение Дениса в школе вызывает у китайца почтение и одобрение. Обобщая в своей речи отрицательный образ американцев, он показывает, что совершенно им не симпатизирует. Протягивая руку, Сун Да-сян предлагает свою помощь. Вежливость китайского мальчика, наличие собственного мнения, веселый характер, способность спокойно разговаривать на бегу на иностранном языке вызывают у повествователя симпатию и восхищение, и он с радостью отвечает

на рукопожатие. В результате Сун Да-сян присоединяется к Денису и Фору, расширяя границы их содружества.

В конечном итоге повествователь достиг финиша первым, однако ему не довелось почивать на лаврах победителя. Появление Бонни, волочащего левую ногу, становится для американского консула Белчера поводом опровергнуть результаты кросса. Спешно перебивая капитана Конверворта⁶, консул называет победителем Сиднея. Но из толпы раздается недовольный голос. Матрос, поставивший на повествователя деньги, не согласен с решением и просит пригласить корабельного доктора для проверки. Консул соглашается, и доктор приступает к обследованию.

Изначально в редакции 1931 г. морской доктор ведет себя по принципам профессиональной медицинской этики. Он спокойно осматривает Бонни и делает вывод: «Больной в порядке. Нога здорова, пульс нормальный. Симуляция, мальчик, — сказал доктор Бонни» [Чин-1931, с. 78]. Так доктор своим решением утверждает победу Бориса. В редакции 1958 г. характер доктора разительно изменился. Он предстает перед читателем человеком, который боится чего-то, беспокоится и бормочет себе под нос. Все ожидают его диагноза, но он долго не осмеливается принять решение и в конце концов отходит в сторону. Доктор сталкивается с противоречием. С одной стороны, по профессиональной обязанности он должен поставить правдивый диагноз. С другой — он не может выступить против консула, положение и статус которого выше. В итоге доктор из честного и независимого персонажа превращается в трусливого подчиненного.

Спор о победе русского мальчика во второй редакции разрешает поступок Сун Да-сяна. Он бросает камень в лицо американскому консулу. Когда же Белчер в ярости требует поймать наглеца, Бонни вскакивает со своего места и устремляется вперед. Тем самым Сидней выдает себя, и окружающие убеждаются, что нога американца здорова. В редакции 1958 г. вместо американского доктора ключевую роль в выборе истинного победителя — а значит, и в разрешении конфликта — играет китайский мальчик.

В переработке этого момента, с одной стороны, подчеркивается, что русский побеждает благодаря союзникам. С другой — затрагивается проблема однозначного морального критерия. Бросок камнем в лицо человека мог привести к тяжелой травме или даже смерти. Однако поступок китайского мальчика воспринимается как правильный и мудрый, ведь жертва нападения — человек непорядочный,

к тому же он еще и политический враг. Консул сам нарушает законы морали ради политических целей. Важно показать читателю, что оценивать любой поступок следует по-разному в зависимости от окружающей обстановки, мотивов человека, его социального положения и др.

Завершает развязку в обеих редакциях сцена с двумя главными героями, окруженными другими учениками. В редакции 1931 г. данная сцена отсылает к завязке повести, в которой мальчики копируют Бонни: «Вы Чин-Чин-Чайнамен, — сказал мне Бонни Сидней. Вы — Чин-Чин-Чайнамен, — повторили другие» [Чин-1931, с. 7]. В этот раз все повторяют слова повествователя: «Бонни Сидней, уезжайте в Сидней, — так сказал я. Уезжайте в Сидней, — повторили другие» [Чин-1931, с. 78]. После победы Борис занимает место Бонни, утратившего авторитет. Развитие действия в итоге оформляется по принципам зеркальной композиции.

В редакции 1958 г. сцена разговора с Банни выглядит иначе. Ученики во всем поддерживают своего вожака, и потому им нечего сказать после того, как обман чемпиона школы раскрыт. Вслед за русским мальчиком говорит только Фор, наконец решившийся открыто высказать свое мнение. То, что Банни никак не отвечает на такое поведение Фора, иллюстрирует перемену в отношениях героев после победы в кроссе.

В финале редакции 1931 г. представлен комический эпизод: антагонист посрамлен смехом. Фраза, которую произносят персонажи — дразнилка, основанная на звуковом подобии, но, по сути, абсурдная. Если прозвище, данное в начале книги Борису, несет в себе сатирический, идеологический намек, то предложение уехать именно в Сидней оказывается эвфемизмом, означающим, очевидно, «куда-нибудь подальше». Город, куда предлагают уехать Бонни и куда он действительно отправляется, выбран условно, только по созвучию с его фамилией, но никак иначе не связан с американцем.

Во второй редакции финал вполне серьезен, лишен абсурдизма и выходит за пределы игры. Хотя он прямолинейнее в идеологическом плане, зато психологически оказывается более сложен. Здесь демонстрируются растерянность Банни, возросшая уверенность в себе Фора.

Далее автор добавил фрагмент, в котором Денис рассказывает Фору о себе, своем прошлом, об отце и истории с капитаном Сиверцовым. Только попав в школу, скромный и осторожный Денис не общается о себе практически никакой информации. Хотя и Денис

и Фор в американской школе оказываются в схожих условиях, последний не получает полного доверия со стороны русского мальчика. Это в корне отличается от первой редакции, где Фор узнает все подробности о Борисе еще до сцены подготовки к «пижамной ночи». В редакции 1958 г. все меняется после окончательной победы. Во время состязания Фор помогает Денису. Он укрепляет поддержку за пределами академии. Именно благодаря ему происходит важная встреча Сун Да-сяна с Денисом. При участии Фора на финише собирается шумная толпа китайских зрителей, и американский матрос начинает верить в успех русского мальчика. Это становится одной из причин, по которой русский школьник наконец открывается Фору.

Другой причиной является перемена в расстановке сил в школьной среде. Говоря об освобождении угнетенных, Фор подразумевает во многом себя, постоянно подвергающегося издевательствам. После поражения американского мальчика Фор освобождается от гнета, начинает чувствовать себя более уверенно и оттого становится полноценным союзником, ведущим дальнейшую борьбу самостоятельно.

Несюжетные разночтения двух редакций повести Рахтанова разделяются на:

- 1) «идейные» изменения;
- 2) изменения в описании психологического состояния героев;
- 3) изменения, связанные с бытовыми реалиями;
- 4) стилистические правки.

Такое разделение условно, и некоторые изменения обусловлены одновременно рядом причин, отчего могут быть отнесены сразу к нескольким группам.

Первый пример «идейных» изменений — добавление понятия «янки» в речь тренера по боксу. Одобряя выбранный учениками способ решения разногласий, учитель Паркс отмечает:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Тот не <i>настоящий джентльмен</i> ⁷ , кто не побывал на ринге, мальчик» [Чин-1931, с. 13].	«Тот не <i>настоящий янки</i> , кто не побывал на ринге, мальчик» [Чин-1958, с. 101].

«Джентльмен» и «янки» — оба слова в приведенном контексте подчеркивают идеальность человека с точки зрения говорящего. Однако «джентльмен» является чисто английским, не американским понятием. Под ним подразумевается человек со знатным происхождением, который отличается благородством нрава и поведения.

В свою очередь, слово «янки» в европейском мире традиционно ассоциируется с жителями Америки, причем как с носителями отрицательных качеств. В самой Америке первоначально так называли уроженцев Новой Англии и ее жителей. В годы Гражданской войны в США слово использовалось в южных штатах как уничижительное прозвище северян. Однако после победы Севера философия янки стала главенствующей. В результате все то, над чем иронизировали южане и европейцы, внутри страны получило положительную оценку. По этой причине американцы во второй редакции предстают людьми, считающими своими лучшими национальными чертами те качества, за которые в иных странах их не терпят, осуждают и презирают. Они с гордостью принимают данное им прозвище, полагая, что другие не понимают их счастья и истинного величия в том, чтобы быть янки.

Замена «джентльмена» на «янки» подводит диалог главного героя с учителем к спору об определении настоящего человека. «Настоящий янки — это настоящий джентльмен и настоящий человек. Запомните это, мальчик, — сказал мистер Паркс» [Чин-1958, с. 101]. Понятие «джентльмен», заключенное учителем в определение «янки», создает противоречивое ощущение. Переработка фразы учителя бокса обрисовывает противоречивую натуру американцев и помогает усилить конфликт систем ценностей русского мальчика и школьного окружения.

Понятие «янки» используется также в речи директора школы, когда он дает указания по воспитанию Дениса: «Возьмите русского и начинайте делать из него стопроцентного янки» [Чин-1958, с. 104].

Таким образом, употребляя слово «янки», автор стремится подчеркнуть, как персонажи-американцы гордятся своей национальной идентичностью и ставят ее превыше всего, что усиливает проявление американского национализма.

Изменились требования соучеников к повествователю, предъявленные после того, как он повесил фотографию амы-китайки в комнате:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«О, снимите ваш американский флаг, вы Чин-Чин-Чайнамен <...>. Американский флаг не должен висеть рядом с китайкой» [Чин-1931, с. 7].	«О, снимите эту фотографию, вы, Чин-Чин-Чайнамен <...>. Фотография китайки не может висеть в одной комнате с американским флагом» [Чин-1958, с. 98].

Флаг в обеих редакциях для американских школьников обладает особой ценностью. Поэтому когда рядом с ним появляется то, что заслуживает презрения, они выступают против осквернения святыни. В редакции 1931 г. позиция школьников относительно либеральна. Каждый ученик в своей комнате имеет право делать все, что захочет. Однако недопустимы какие-либо действия, порочащие американские ценности, и повествователь должен сделать выбор в пользу только одного из предметов. В редакции 1958 г., напротив, вопрос о снятии полотна не поднимается. Флаг занимает главенствующее место и становится неприкосновенным.

В редакции 1958 г. уже с самых первых страниц уточняются переживания, поступки и размышления главного героя, в речь рассказчика вводятся элементы самоанализа. Дополнения делают повествование не только более понятным юному читателю, но и более убедительным, достоверным, глубоким и неоднозначным. Так, когда Денис вспоминает, как год назад требовал у отца дать ему оружие наравне с другими, он уточняет: «Я чувствовал себя достаточно выросшим для этого — ведь в прошлом году мне исполнилось уже целых четырнадцать лет, и я хотел сражаться наравне с другими» [Чин-1958, с. 93]. Вслед за этим мальчик говорит: «Теперь, став взрослым, я понимаю, что это мое самонадеянное, мальчишеское требование сильно испугало отца» [Чин-1958, с. 93]. В добавленном фрагменте субъект повествования раздваивается. Он предстает перед читателем в двух ипостасях: наивный пылкий четырнадцатилетний подросток и обремененный некоторым жизненным опытом пятнадцатилетний рассказчик. Первый образ преобладает в дальнейшем повествовании и помогает вызвать у читателей-сверстников эмпатию вкупе с пониманием, сблизить их с главным героем. В свою очередь, второй образ показывает Дениса более сознательным, делает его воспоминания более объективными и убедительными. Сентенции и идейные оценки в речи рассказчика воспринимаются не как вставки от лица взрослого автора, а как плоды раздумий на основе реального, пусть и короткого, жизненного опыта.

Другой пример правки, связанной с психологическим состоянием героя, — описание черепа-подсвечника в комнате, где проходила «пизжамная ночь»:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«На полу стоял череп, к которому прилеплена была толстая сальная свеча» [Чин-1931, с. 42].	«На полу стоял череп, в который была вставлена толстая свеча, череп светился мертвыми глазницами» [Чин-1958, с. 117].

В первой редакции описание черепа нейтрально: он не играет особой роли и не появляется в дальнейшем повествовании. В свою очередь, во второй редакции он передает эмоции Дениса во время собрания. Пламя от свечи, вставленной в череп, оживляет его, и потому светящиеся изнутри глаза вызывают у повествователя ощущение чего-то загадочного и вместе с тем страшного. Такая атмосфера очень привлекает детей, отчего сходные чувства испытывают и другие участники встречи.

Образ черепа меняется, когда приходит очередь рассказа Дениса, и он поправляет нагоревшую свечу: «Теперь череп больше не казался таинственным. Он глядел на меня пустыми глазницами, напоминая тех, кто в прошлом году с винтовками в руках шагал рядом со мной по тайге и сложил там голову» [Чин-1958, с. 122]. В значимую для повествователя минуту череп, напоминая Денису о соратниках, неожиданно становится его опорой и поддержкой. В обеих редакциях повествователь не боится мертвых, хотя череп должен бы напугать мальчика такого возраста. Причиной этого стало характерное для той эпохи раннее приобщение к трудностям и ужасам гражданской войны — лишениям, болезням, смерти и т. д. Эти исключительные явления становятся для русского мальчика революционных лет обыденными и привычными, и безжизненный предмет оказывается для Дениса ближе, чем окружающие его живые люди.

Знаменательна и переработка ремарки в конце выступления повествователя:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Вот и все, — сказал я и пересел обратно на пол» [Чин-1931, с. 58].	«И когда я сказал фразу, о которой мечтал: “Вот, пожалуй, и все, что я знаю о русском путешественнике и его сыне”, — почувствовал, как дорого обошлась мне эта ночь. С радостью сел я на пол» [Чин-1958, с. 122].

В первой редакции выступление Бориса заканчивается весьма обыденно и прозаично: автор не описывает эмоции, которые мог испытывать рассказчик после длинной истории. Во второй редакции благодаря психологическим дополнениям чувства героя изображены открыто. Произнося последнюю фразу, Денис создает в своем рассказе двойственный финал. С одной стороны, он в очередной раз противопоставляет себя выдуманному герою Ване.

Тем самым закрепляется впечатление о том, что история рассказывает не о нем самом, а о русских путешественниках — отце с сыном. С другой стороны, он оставляет слушателей с ощущением некоторой недоказанности, будто бы давая намеки на связь истории с ним. Это можно объяснить тем, что повествователь, как и любой подросток того же возраста, желает продемонстрировать себя перед другими, показать свои выдающиеся качества. В то же время, будучи скромным, он старается избежать хвастовства, используя для этого вымышленную фигуру.

Заново переживая эмоции, русский мальчик стремится построить связный, увлекательный рассказ на иностранном языке и вместе с тем показать свой героизм, и при этом не выдать себя. Сочетание этих факторов создает сильное психологическое напряжение. По этой причине, закончив свою речь, Денис, несмотря на то, что «рассказ вышел длинным и не слишком складным» [Чин-1958, с. 122], весьма доволен собой. Кроме того, воспоминания об отце и совершенном в тайге подвиге в определенной степени помогают Денису развеять тоску по дому, а также придают ему силы в борьбе с американским окружением.

Во внутренних монологах героя также появились реплики, в которых он оценивает новых одноклассников и преподавателей:

Новые знакомые мне не понравились. <...> Нет у них собственного мнения! Все повторяют, что скажет Банни. И в политике они, должно быть, ничего не понимают. И войны у них нет. И революции не было. О чем мне с ними говорить?» [Чин-1958, с. 99].

По дороге я думал об этом учителе. <...> Только подумать — взрослый, большой, а учит мальчиков драться! Да еще как — не просто, а по правилам... [Чин-1958, с. 105].

С одной стороны, такие реплики явственно выражают ощущения русского мальчика, попавшего в чуждую для него среду. Предательство капитана Сиверцова, насмешки соучеников, тоска по дому, чувство одиночества вызывают бурю отрицательных эмоций, которые Денис переносит на окружающих. С другой стороны, добавленные фрагменты рисуют идеологически правильный образ главного героя. Но его суждения звучат все же не по-взрослому, а по-детски. За счет этого юный читатель, увидев в герое себя, воспринимает слова повествователя больше с иронией, нежели всерьез.

К моменту переиздания «Чина» многое изменилось в жизни людей, в самых разных ее областях. Поэтому писатель отредактировал

текст с учетом особенностей сознания новой эпохи, ее вкусов и представлений. Одна из таких перемен — удаленный из речи тренера по боксу фрагмент:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Мальчик, — сказал <i>он</i> мне на второй день тренировки. Три дня — это большой срок. <i>Поезд из Мукдена в Фузан идет три дня</i> » [Чин-1931, с. 21].	«Мальчик, — сказал мне <i>мистер Паркс</i> на второй день тренировки. Три дня — это большой срок» [Чин-1958, с. 107].

Во-первых, китайский город, долгое время известный в Европе как Мукден, после 1945 г. был переименован в Шэньян. Во-вторых, после корейской войны город Фузан (Пусан) оказался на территории Южной Кореи, и поезда из Китая туда ходить не могли. Поэтому во время выхода второй редакции читатель не мог представить, какое расстояние мог пройти поезд между двумя названными городами.

Другое разночтение обнаруживается в реплике американского матроса, когда он с гордостью рассказывает о своей стране:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«В Нью-Йорке, мастер, <...> есть <i>подземка</i> , а в Чикаго — озеро. Вот» [Чин-1931, с. 65].	«В Нью-Йорке, мастер, <...> есть <i>надземка</i> , а в Чикаго — озеро. Вот!» [Чин-1958, с. 128]

В связи с тем, что до 1935 г. в России отсутствовало метро, рассказ матроса о подземке действительно выглядел чем-то экзотическим и мог поразить читателя. Однако на момент выхода второй редакции в Москве уже существовало четыре линии метро, была построена первая линия в Ленинграде, и «подземка» перестала быть необычным явлением. Чтобы сохранить эффект речи матроса, автор выбрал в качестве замены отсутствовавший в России надземный рельсовый транспорт.

Немалую часть разночтений первой и второй редакций составляют стилистические правки. Так, в редакции 1958 г. автор использует боксерские термины:

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Бонни <...> только умел танцевать по присыпанному канифолью <i>полу ринга</i> » [Чин-1931, с. 27].	«Бонни <...> только умел танцевать по <i>настилу</i> ринга, присыпанному толченой канифолью» [Чин-1958, с. 111].
«Победил Бонни, я дрался <i>ладонью</i> — так сказал мистер Паркс» [Чин-1931, с. 28].	«Победил он, я дрался <i>открытой перчаткой</i> — так сказал мистер Паркс» [Чин-1958, с. 111].

Редакция 1931 г.	Редакция 1958 г.
«Ваш правый <i>крюк</i> в лицо был очень интересен» [Чин-1931, с. 28].	«Ваш правый <i>хук</i> в лицо был очень интересен» [Чин-1958, с. 112].

Появление указанных слов во второй редакции обусловлено тремя причинами. Во-первых, за годы работы над рассказами о спортсменах Рахтанов стал лучше разбираться в спортивной терминологии. Во-вторых, он мог полагать, что употребление терминов способствует расширению кругозора юного читателя. В-третьих, сама боксерская терминология стала лучше известна публике, ведь в 1950-х гг. этот вид спорта уже не казался столь экзотическим, как в начале 1930-х.

При этом в случае с заменой «ладони» стоит отметить, что данную фразу как доказательство нарушения правил русским мальчиком произносит мистер Паркс — учитель бокса, и потому термин «открытая перчатка» более подходит именно к его образу.

Анализ разночтений показал, что, во-первых, в редакции 1958 г. сюжет повести в целом становится увлекательнее, мотивированнее, психологически сложнее. Рахтанов придерживается мнения, что с ребенком можно говорить обо всем. Он старается изобразить реальную жизнь во всем многообразии, когда наряду с добром существует и зло: предательство, несправедливость, дискриминация и т. д. В то же время писатель стремится воодушевить молодое поколение, затрагивает темы дружбы и взаимной поддержки, выделяет важные человеческие качества — смелость, скромность, выдержку и ум.

Во-вторых, в редакции 1958 г. более остро показан главный конфликт повести — конфронтация советской и американской систем ценностей, которые воплощаются в лице повествователя и его окружения. В редакции 1931 г. автор описывает события так, как они могли бы происходить в действительности, в реальном общении детей. Он не стремится показать идеологическую разницу. Хотя в момент работы над первой редакцией американцы и представлялись в советском официальном дискурсе как враги, Рахтанов встает на точку зрения, соответствующую времени действия в повести. По этой причине большинство персонажей-американцев оказывается идеологически нейтральным. В переиздании автор переходит на точку зрения советских читателей 1950-х гг., поэтому все герои начинают мыслить так, будто бы понимают, что происходит в советской России, и ведут себя как политические и классовые

враги. В результате во второй редакции практически все американцы приобретают отрицательные черты.

В-третьих, на творчество писателя повлияли перемены в международной обстановке. В советском обществе на фоне всплеска движения интернационализма и антирасизма постулировалось, что молодые люди способны найти общий язык и преодолеть классовую неприязнь, обеспечив сохранность мира. В связи с этим во второй редакции усилилась интернационалистическая тенденция, появилась идея совместной победы над расизмом и национализмом.

Оценка изменений на уровне деталей и стилистических правок позволяет проследить творческое развитие писателя в течение 27 лет. В процессе работы над второй редакцией Рахтанов стал больше заботиться о бытовой достоверности, психологической и логической мотивированности событий, уделил большое внимание частностям. Усилились такие характерные для автора черты, как ирония и юмор. Соединение иронии и серьезности приводит к тому, что образ героя становится более жизненным и убедительным, и не дает повести выглядеть примитивной пропагандой.

Примечания

¹ После переезда в СССР И. Рахтанов поступил на литературно-журнальное отделение Государственных курсов техники речи, в 1926 г. переведен на второй курс литературного отделения Высших государственных курсов искусствоведения (ВКГИ) при Государственном институте истории искусств.

² В первой редакции имя лидера учеников — Бонни Сидней (транслитерация). Предположительно, вариант из второй редакции соответствует американскому произношению закрытого слога с гласной «о». В этом случае данная транскрипция подчеркивает происхождение, и, главное, — самосознание персонажа. При цитировании первой редакции и отсылках к ней в тексте статьи будет использоваться вариант «Бонни», при упоминаниях второй редакции — «Банни».

³ Автор родился и до 15 лет жил в Китае, учился в американском пансионе в Шанхае.

⁴ Далее ссылки на первую и вторую редакции даются по изданиям [Рахтанов, 1931] и [Рахтанов, 1958] в тексте с указанием страниц и со следующим сокращением: Чин-1931 и Чин-1958.

⁵ В редакции 1958 г. фамилия данного персонажа пишется через одно «ч» — Пирч. Далее по тексту при его упоминании в событиях, не претерпевших изменений в редакции 1958 г., будет использоваться вариант с одним «ч».

⁶ Фамилия данного персонажа в редакции 1931 г. пишется как «Конверверт». Информацию о ней найти не удалось, но можно предположить, что замена «е» на «о» связана с правилами транскрипции.

⁷ Здесь и далее в цитатах курсив применяется для выделения сравниваемых деталей.

Источники

- Рахтанов И. А.* Годы учения: повести и рассказы. М.: Сов. писатель, 1958.
Рахтанов И. А. На широтах времени. М.: Сов. писатель, 1980.
Рахтанов И. А. Пестрая книга: для старшего возраста. М.: Дет. лит., 1967.
Рахтанов И. А. Чин-чин-Чайнамен и Бонни Сидней: рассказы для детей среднего и старшего возраста. М.; Л.: ОГИЗ: Молодая гвардия, 1931.
Чуковский К. И., Чуковская Л. К. Переписка: 1912–1969. М.: НЛО, 2003.

Исследования

- Сивоконь С.* [Рец. на кн.: Рахтанова И. А. Пестрая книга. М.: Дет. лит., 1967] // Новый мир. 1968. № 1. С. 279–280.
Сивоконь С. Утренний талант: к 60-летию И. А. Рахтанова // Дет. лит., 1967. М.: Детгиз, 1968. С. 201–215.